

ИЗМЕНЕНИЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ: РЕДУКЦИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Рахмонова Рушана Шахобиддиновна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию процессов редукции и вариативности в падежной системе современного русского языка. В работе рассматриваются механизмы трансформации исторически сложившейся системы из пятнадцати падежей в современную шестипадежную модель, а также анализируются сохраняющиеся рудиментарные формы и возникающие инновации. Особое внимание уделяется концептуальному аппарату описания падежной семантики, включая понятия «зоны объекта» и «таксиса» в рамках системной теории падежа. На материале анализа родительного партитивного и предложного локативного падежей, а также инновационных интернет-форм демонстрируется, что редукция падежной системы представляет собой не линейный процесс упрощения, а сложное перераспределение грамматической нагрузки между синтетическими и аналитическими средствами выражения. Вариативность рассматривается как диахронический механизм языковой эволюции и как синхронический ресурс стилистической дифференциации.

Ключевые Слова: падежная система, редукция, вариативность, локатив, партитив, грамматическая динамика.

Падеж как грамматическая категория занимает центральное место в морфологической системе русского языка, обеспечивая маркирование синтаксических отношений между словами в предложении. На протяжении тысячелетней истории русского языка падежная система претерпела значительные изменения: от реконструируемой праславянской системы с многочисленными падежными формами до современной школьной модели, насчитывающей шесть падежей.⁴³ Однако утверждение о том, что современный русский язык располагает лишь шестью падежами, требует существенных оговорок. Как убедительно

⁴³ Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.

демонстрируют данные лингвистических исследований и корпусные материалы, в русском языке сохраняются рудиментарные падежные формы, не вписывающиеся в стандартную школьную парадигму, а также наблюдается активная вариативность падежных окончаний, отражающая как диахронические процессы, так и синхроническое стилистическое расслоение.⁴⁴ Цель настоящей работы — представить комплексный анализ процессов редукции и вариативности в русской падежной системе, рассматривая их не как изолированные явления, но как взаимосвязанные аспекты грамматической динамики. В отличие от традиционных описаний, фокусирующихся на инвентаре падежных форм, мы предлагаем сосредоточиться на функциональных механизмах, обуславливающих сохранение одних форм и утрату других. Традиционное определение падежа как морфологической категории, выражающей синтаксические отношения имени к другим словам в предложении, сталкивается с методологическими трудностями при попытке описать периферийные явления. Критерии выделения падежей — морфологический (наличие особой парадигмы окончаний), синтаксический (способность управляться предлогом или глаголом) и семантический (наличие инвариантного значения) — не всегда действуют согласованно. В этой связи заслуживает внимания подход, предложенный в рамках системной теории падежа, согласно которому релевантными семантическими признаками падежа признаются категории «зоны» и «таксиса».⁴⁵ Под «зоной объекта» понимаются объективно существующие структурные элементы предмета или лица, актуализирующиеся в момент выполнения объектом функции актанта события — агенса, пациенса, фациенса, бенефицианта, локуса или прекурсора. Это понятие позволяет объяснить, почему один и тот же объект в разных синтаксических позициях требует различных падежных маркеров: меняется его «зона», актуальная для данного события.⁴⁶

Понятие «таксиса», в свою очередь, трактуется не как грамматическое время, а как «внутрисобытийная» хронология — последовательность образующих событие явлений, определяемая относительно времени действия агенса как причины и начала события. Эта концепция позволяет преодолеть ограничения формального подхода к падежу, рассматривая падежную форму как иконический знак, отражающий структуру самого события. Исторически древнерусский язык

⁴⁴ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.

⁴⁵ Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. — М., 2009.

⁴⁶ Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2003.

располагал значительно более богатой падежной системой, чем современный русский. Лингвистические реконструкции свидетельствуют о существовании до пятнадцати падежей, включая формы, полностью утраченные или сохранившиеся лишь во фразеологизированных оборотах. Среди утраченных падежей следует назвать звательный (использовавшийся для прямого обращения), местный (обозначавший пространственную локацию), количественно-отделительный (указывавший на частичность объекта), ждательный (употреблявшийся с глаголами ожидания), превратительный (маркировавший переход в новое состояние) и ряд других. Однако процесс редукции не сводился к простому исчезновению падежных форм: многие из них не исчезли бесследно, а были перераспределены между сохранившимися падежами либо трансформировались в аналитические конструкции. Звательный падеж, к примеру, сохранился в форме «новозвательной» — усеченных именах типа Катъ, Вань, а также в церковнославянизмах Боже, Отче.

При анализе изменений падежной системы необходимо различать два разнонаправленных процесса. Редукция представляет собой сокращение числа грамматически противопоставленных форм в парадигме — например, утрату самостоятельного звательного падежа. Вариативность, напротив, предполагает сосуществование двух или более форм в пределах одной грамматической ячейки, что создает избыточность системы. Интересно, что эти процессы могут протекать одновременно: так, общее число падежей сократилось, но в рамках сохранившихся падежей (особенно родительного и предложного) наблюдается устойчивая вариативность окончаний. Это позволяет интерпретировать эволюцию русской падежной системы не как линейное упрощение, а как переструктурирование — перераспределение грамматической нагрузки между различными средствами выражения. Наиболее ярким примером сохранения древней падежной формы в современном языке является так называемый «местный падеж», или локатив. Формально локатив совпадает с предложным падежом, однако имеет особое окончание -у (в ряде случаев также -ю) и употребляется исключительно с предлогами в и на для выражения пространственного значения. Сравнительный анализ двух форм одного слова демонстрирует семантическое противопоставление: предложный падеж (на -е) употребляется при обсуждении объекта как такового, в отвлечении от его пространственной локализации, тогда как локатив (на -у) маркирует именно местоположение. Так, форма о лесе предполагает дискурс о лесе как объекте мысли, тогда как в лесу указывает на конкретное пространственное положение. Аналогичное противопоставление наблюдается в парах на берегу — на

берегу, в снеге — в снегу, в году — в году́ (с акцентологическим различием).

Наиболее ярким примером сохранения древней падежной формы в современном языке является так называемый «местный падеж», или локатив. Формально локатив совпадает с предложным падежом, однако имеет особое окончание -у (в ряде случаев также -ю) и употребляется исключительно с предлогами в и на для выражения пространственного значения.

Современная лингвистическая ситуация в русском языке характеризуется сохранением ряда рудиментарных падежных форм, которые выполняют специфические семантические задачи. Одним из наиболее заметных образований является партитив, или количественно-отделительный падеж, представляющий собой вариант родительного падежа с окончанием -у/-ю. В отличие от стандартного генетива, партитив акцентирует внимание на частичности объекта или неопределенном количестве вещества, что отчетливо проявляется в парах типа «выпить чая» и «выпить чаю». Несмотря на ограниченность лексико-семантическими группами вещественных существительных, партитив демонстрирует высокую степень грамматикализации и устойчивость в беспредложных позициях.

Параллельно с сохранением древних элементов наблюдается трансформация звательной функции в так называемую новозвательную форму. В отличие от исторического звательного падежа с особыми флексиями, современная форма образуется путем усечения основы именительного падежа до нулевого окончания. Это явление, типичное для разговорной речи, рассматривается исследователями как функциональный аналог утраченной категории, свидетельствующий о морфологической адаптации языка. К другим значимым рудиментам относится счётный падеж, проявляющийся в сочетаниях с числительными, где форма существительного и акцентологические характеристики отличаются от нормативных парадигм родительного падежа.⁴⁷

Активная вариативность окончаний в современной падежной системе наиболее отчетливо прослеживается в конкуренции форм родительного и предложного падежей мужского рода. Окончание -у сохраняет жизнеспособность в контекстах меры, частичности объекта, а также в устойчивых предложных конструкциях и фразеологизмах. Аналогичным образом локативный вариант предложного падежа во многих случаях становится грамматически обязательным для выражения

⁴⁷ Иткин И. Б. Русская морфология. — М.: Изд-во МГУ, 2007.

пространственного значения, вытесняя стандартное окончание -е. В то же время наблюдаются и инновационные процессы, такие как экспансия окончания -ов в родительном падеже множественного числа, которая подкрепляется как общей тенденцией к унификации морфологии, так и механизмами современной языковой игры.⁴⁸

Процессы редукции падежной системы детерминированы комплексом фонетических, семантических и социолингвистических факторов. Историческое падение редуцированных гласных запустило механизм перестройки всей грамматической структуры, что привело к поглощению узкоспецифичных падежей более универсальными формами. Постепенный дрейф языка в сторону аналитизма усиливает роль предлогов, снижая функциональную нагрузку падежных окончаний. Тем не менее, существующая синхроническая вариативность не является признаком системного распада; она выступает в качестве гибкого ресурса, обеспечивающего тонкую смысловую дифференциацию и стилистическое разнообразие современной русской речи.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о природе и механизмах редукции и вариативности в русской падежной системе.

Во-первых, редукция падежной системы представляет собой не линейный процесс упрощения, а сложное перераспределение грамматической нагрузки. Утрата самостоятельных падежных форм компенсируется развитием предложных конструкций, а также сохранением рудиментарных форм в ограниченном круге лексики.

Во-вторых, вариативность выступает как диахронический механизм (через вариативность происходит смена нормы) и как синхронический ресурс (вариативность обеспечивает стилистическую и семантическую дифференциацию). Сосуществование вариантов родительного падежа на -а и -у — это не «пережиток», а действующий механизм различения партитивного и общегенитивного значений.

В-третьих, падежная система современного русского языка представляет собой многоуровневое образование, в котором сосуществуют ядерные (шесть основных падежей) и периферийные (локатив, партитив, новозвательная форма) элементы. Граница между падежом и вариантом падежа в ряде случаев оказывается размытой, что требует привлечения функциональных, а не только формальных критериев.⁴⁹

⁴⁸ Борзенко В. В., Добрушина Н. Р. Экспансия окончания -ов в родительном падеже множественного числа. — 2021.

⁴⁹ <https://ruscorpora.ru>

Наконец, новейшие процессы в интернет-коммуникации (экспансия окончания -ов) свидетельствуют о том, что падежная система не статична: она продолжает эволюционировать, причем вектор этой эволюции — в сторону унификации парадигм и усиления роли окончания -ов как доминантного маркера родительного падежа множественного числа. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на корпусный анализ распределения вариантных окончаний в различных функциональных стилях, а также на экспериментальное изучение восприятия вариативных форм носителями языка разных возрастных и социальных групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. — М., 2009.
2. Борзенко В. В., Добрушина Н. Р. Экспансия окончания -ов в родительном падеже множественного числа. — 2021.
3. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.
4. Иткин И. Б. Русская морфология. — М.: Изд-во МГУ, 2007.
5. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2003.
6. Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ruscorpora.ru/>